

Проблема правового социализма *)

ГЛАВА V-ая.

Правовой социализмъ и новое средневѣковье

14. Проблематика, воздвигаемая жизнью передъ современной социалистической мыслью, есть проблематика *углубленной и расширенной в своемъ содержаніи идеи права*. Задача заключается въ томъ, чтобы въ правовыхъ терминахъ формулировать существо тѣхъ новыхъ институтовъ, которые вытекаютъ изъ основной идеи современнаго социализма — суверенитета права. Хозяйство и государство, бывшіе въ утоническомъ и марксистскомъ социализмѣ предметомъ явнаго или скрытаго отрицанія, должны быть ескретно поняты въ своемъ новомъ, положительномъ, провозвѣщаемомъ правомъ и имъ преображенномъ содержаніи. Безспорно, бывшее отрицаніе ихъ социализмомъ не можетъ пройти безслѣдно, но должно сохраняться какъ моментъ ихъ пинѣшняго утвержденія. Спрашивается: означать ли пронизаніе хозяйства и государства Правомъ, ставшее на мѣсто ихъ первоначальнаго отрицанія Благомъ, умаленіе хозяйства и государства или, напротивъ, ихъ дальнѣйшее усовершеніе? Хозяйство, лишенное своей фактической гегемоніи въ обществѣ, и государство, отрекающееся отъ своего верховенства въ пользу суверенитета права, — умаляются ли они какъ хозяйство и государство или, напротивъ, существуютъ послѣднихъ, ихъ идея реализуется въ нихъ въ еще болышей, чѣмъ доселѣ, степени? Мы постараемся въ заключеніе отвѣтить на эти вопросы и постольку точнѣе формулировать, какъ итогъ нашего изслѣдованія эволюціи социализма, тѣ проблемы, которыя стоятъ нынѣ передъ социалистической мыслью, а также указать направленіе, въ которомъ они, по нашему убѣжденію, единственно могутъ быть разрѣшены.

Въ самыхъ грубыхъ чертахъ путь этотъ, первымъ этапомъ котораго является гильдейскій социализмъ, можно охарактеризо-

---

*) «Соврем. Записки» №№ 27, 28 и 29.

вать как *множественность* ограничивающих друг друга и из нѣдръ самаго общества возникающих *правопорядковъ*. Въ этомъ расширеніи идеи права, какъ права социальнаго, а не только государственнаго, сохраняется то противопоставленіе общества государству, которое искони было основнымъ мотивомъ социализма. Право, понимавшееся со времени абсолютизма и даже Ренессанса, какъ волеизъявленіе государственной власти, расторгаетъ эту суживающую его связь съ государствомъ и понимается шире, какъ продуктъ самаго общества во всемъ многообразіи выражающихъ бытіе его социальныхъ организацій. Оно возвращается какъ бы назадъ — къ прерванной редицѣй римскаго права средневѣковой традиціи, симптомомъ чего служитъ повышенный интересъ современной теоріи права къ возрождающей эту традицію школѣ Гирке 1). Соответственно этому и «деволюція государства», предѣломъ коей мыслить себя гильдейскій социализмъ, во многомъ повидимому напоминаетъ тотъ процессъ распадающагося государства, тоже всеобщаго и всекомпетентнаго, который въ свое время привелъ къ феодализму. Не въ этомъ ли направленіи идетъ и тотъ процессъ органической социализаціи хозяйства, который, резко отличаясь отъ механическаго огосударствленія, стремится къ возрожденію гильдій и сложнаго режима двойной собственности, одновременно автономной и частной и вмѣстѣ съ тѣмъ социальной и объективной, столь напоминающей левую собственность Среднихъ вѣковъ? Не есть ли самый лозунгъ «новаго Средневѣковья», со все большей настоятельностью разлаживающійся въ наши дни, разительный симптомъ того, что гильдейскій социализмъ правильно уловилъ направленіе, въ которомъ слѣдуетъ искать положительныя черты вырисовывающагося новаго общественнаго строя? Неизвѣстное удобяще всего познается черезъ извѣстное, и потому мы воспользуемся въ дальнѣйшемъ сопоставленіемъ съ общественнымъ строемъ Средневѣковья, чтобы такимъ образомъ лучше уяснить себѣ ту проблематику, которую выдвигаетъ передъ теоретической мыслью естественная эволюція социализма.

Безспорно, расширение идеи права за предѣлы закона, устанавливаемого государствомъ какъ «выраженіе общей воли наро-

---

1) Срв. превосходную статью Г. Д. Гурвича, *Otto v. Gierke als Rechtsphilosoph* — (Logos XI-1), а также обширное введение F. W. Maitland'a к англ. переводу Gierke, *Political Theories of the Middle Ages* (Cambr.), оказавшему большое влияніе на теоретиковъ гильдеизма. Срв. Cole, *Social Theory*, 11.

да» 2), пониманіе права въ первую очередь какъ независимаго отъ государства права социальнаго ближе къ правосознанію среднихъ вѣковъ, чѣмъ къ правосознанію новаго времени, которое въ явномъ или скрытомъ видѣ опредѣлялось теоріей общественнаго договора, отождествлявшей правопорядокъ съ государствомъ. Однако, было бы глубоко неправильно видѣть въ социальномъ правѣ современнаго социализма простой возвратъ къ среднимъ вѣкамъ, какъ это полагаетъ родоначальникъ гильдеизма А. Пенти, не менѣе рѣшительно, чѣмъ Н. Бердяевъ, отвергающій всю отъ Ренессанса идущую культуру новаго времени 3). Вся проблема социальнаго права въ современномъ его пониманіи заключается именно въ томъ, чтобы сохранить вѣчную правду либерализма, начало человеческой свободы и автономіи, раскрытое въ «фаустовской культурѣ». Это и достигается признаніемъ *многофункциональности личности*, не исчерпывающей принадлежностью ея къ тому или иному общественному союзу. Какъ правильно видитъ Коль, 4) всякая ассоціація функциональна и ограничена тою специфической задачей или задачами, которыя опредѣляютъ ея природу. Въ противоположность этому личность не исчерпывается своими функциями, она по существу своему универсальна, содержитъ въ себѣ ядро, лежащее глубже организованной въ союзахъ общестственности, что именно и выражается въ ея принципиальной многофункциональности, въ невозможности для нея бытъ сполна и до конца погруженной въ одинъ или нѣсколько опредѣленныхъ союзовъ. Въ этомъ признаки *принципиальной непроницаемости личности* не только для государства, но для всякаго независимаго отъ государства социальнаго правопорядка лежитъ корень того «болѣе толкаго индивидуализма», отъ котораго не въ силахъ отказаться даже самые крайніе представители «средневѣковаго социализма» 5) и который представляетъ собою неотъемлемое наслѣдіе либеральной мысли. Въ этомъ и заключается основное различіе между современной идеей функціи и средневѣковыми правосознаніемъ.

2) Декларация правъ 1789 г., ст. 4 и 6.

3) Срв. Бердяевъ, Новое Средневѣковье. Б. 1924. — Bede Jarret, Mediaeval Socialism, — А. Penty. Auf dem Wege... (Срв. нашу рецензію въ кн. XXIII «С. Зап.»).—О множественности ограничивающихъ другъ друга правопорядковъ и социальномъ правѣ говоритъ Г. Д. Гурвичъ (срв. «Введеніе въ теорію международнаго права», Прага, 1924, и статью «Государство и социализмъ» въ XXV кн. «Совр. Зап.»).

4) Social Theory, гл. 3 и 4, 12.

5) Penty, The Restoration..., стр. 45.

Совершенно верно, что последнее все было пронизано идеей функций. «Хорошее устройство (общества), говорить (в XII вѣкѣ) Иоанн Салисберійскій, состоитъ въ правильномъ распределеніи задачъ (функций) между его членами и въ соответственныхъ свойствахъ, силѣ и внутренней организаціи каждаго отдѣльнаго члена; въ томъ, что всѣ члены должны дополнять другъ друга и оказывать другъ другу взаимную поддержку въ исполненіи ими своихъ обязанностей, никогда не теряя изъ виду блага другого и не испытывая скорбь отъ вреда, претерпѣваемаго другимъ» 6). Однако, личность, согласно средневѣковому правосознанію, сплошь исчерпывалась своею общественною функціею и постольку мыслилась всецѣло погруженною въ соответствующую общественную организацію. Такъ и въ государствѣ Платона, являющемся въ извѣстной мѣрѣ пророческимъ прообразомъ средневѣковой организаціи, 7) она мыслилась однофункциональною, а не многофункциональною. Она не содержала въ себѣ никакого позади ея функций лежащаго и для послѣдней не признаемаго ядра. Свобода личности заключалась поэтому въ совершенной погруженности личности въ объемлющее ее общественное цѣлое, которое такимъ образомъ должно было въ собственныхъ предѣлахъ предоставить ей возможность всесторонняго самовыраженія. Поэтому, напримѣръ, средневѣковая гильдія была не только хозяйственною организаціею: она охватывала своего члена и какъ церковное братство, изъ котораго она повидимому возникла, обладала своею собственною юрисдикціею (не только по хозяйственнымъ дѣламъ) и т. д. Сплошь охватывая личность своихъ членовъ, она была и хозяйственнымъ и духовнымъ и политическимъ союзомъ. Ея многофункциональная всесторонность была оборотной стороною однофункциональности личности, которая только въ силу своей принадлежности къ данной одной опредѣленной организаціи хозяйственнаго характера получала доступъ и къ политическимъ правамъ, и даже къ духовнымъ благамъ Церкви. Въ свою очередь и Церковь была не только духовною организаціею, но и политическимъ союзомъ, осуществлявшимъ также и хозяйственныя функціи. Сочетаясь съ абсолютнымъ характеромъ основной ея задачи, универсализмъ этотъ естественно приводилъ къ идеалу теократіи.

Признаніе непроницаемаго ядра каждой отдѣльной личности,

6) Цит. Пенти, *Auf dem Wege...*, гл. 9

7) Какъ это еще правильно указалъ Виндельбандъ въ своемъ «Платонѣ».

не исчерпывающей ея возможными социальными функциями, есть въ сущности признаніе *сверхъправового начала личности*. Продуктъ и регуляторъ общественныхъ отношеній, право есть всегда иѣкоторое (пусть необходимое и имѣющее свою обратную положительную цѣнность) умаленіе личности, какъ нравственнаго начала. Поэтому предположеніе, что личность сплоя охватывается и выражается общественной функціей, означаетъ смѣшеніе права и нравственности, приданіе по существу своему условной (ибо множественной) сферѣ права того абсолютнаго и исключительнаго характера, который присущъ превышающей ея и ею не покрываемой сферѣ нравственности. Совершенно въ духѣ опять таки Платонова государства Средневѣковье мысляло право по образу нравственности: отсюда и преобладаніе въ средневѣковомъ правосознаніи идеи обязанности и отсутствіе идеи субъективныхъ правъ личности, какъ таковой. Права личности протекаютъ здѣсь *всецѣло* отъ занимаемаго ею мѣста въ общественной іерархіи и отъ той опредѣленной общественной организаціи, къ которой она, въ силу своей однофункциональности, мыслится навсегда прикрѣпленною. Напротивъ, именно для новаго времени существенно различіе между правомъ и нравственностью, признаніе субъективныхъ правъ личности, какъ таковой, первичныхъ по отношенію къ государству и, значитъ, къ праву, которое въ классической либеральной теоріи отождествлялось съ государствомъ. Не случайно Кантъ, классическій представитель теоріи либерализма, положилъ въ основу своей этики и философіи права именно различіе права и нравственности, въ сущности впервые формулированное имъ въ исторіи философіи какъ различіе качественное и принципиальное 8). Въ известной мѣрѣ можно сказать, что идея многогранности бытія и существенной неисчерпаемости Абсолюта ни одной изъ отдѣльныхъ выражающихъ («являющихъ») его сферъ реальности, составляющая центральную идею трансцендентализма и тотъ неизбѣжный мотивъ его, который неотъемлемъ отъ всего современнаго философ-

8) Что самая сущность либерализма тѣснѣйшимъ образомъ связана съ этимъ различіемъ, — это не устаетъ подчеркивать въ своихъ сочиненіяхъ Б. Чичеринъ (Философія права, Собственность и государство и др.), видящій основное заблужденіе (единственно известнаго ему — государственнаго) социализма въ смѣшеніи сферъ права и нравственности. Поскольку **государственный социализмъ** растворитъ личность въ той функціи, которую она выполняетъ въ универсальномъ и всекомпетентномъ государствѣ, критика Чичерина совершенно справедлива.

ского созавия вообще, 9) есть не что иное как метафизический аналогонъ къ идеѣ многофункциональности личности и существенной неисчерпаемости ея ни въ одной изъ отдѣльныхъ выражающихъ ее функций. 10) И обратно: признаніе однопланности бытія, на которой, согласно аристотелевски-схоластическому воззрѣнію, располагается въ іерархическомъ порядкѣ міръ абсолютныхъ субстанцій, въ точности соответствовало идеѣ личности, какъ простой субстанціи, сполна выражаемой своимъ мѣстомъ въ общественной іерархіи. Какъ ни близко къ намъ сейчасъ средневѣковій онтологизмъ, современная философская мысль не можетъ уже сейчасъ просто вернуться къ нему и отказаться отъ созерцанія той сложной множественности плановъ бытія, которую явила ей философія трансцендентализма. Точно также современное правосознаніе не можетъ отказаться отъ начала свободы, какъ полноты личной активности, не исчерпываемой тѣми отдѣльными дѣятельностями, которыми она выражаетъ себя въ обществѣ, и потому требующей признанія принципиальной многофункциональности личности. Изъ представителей гильденизма это острѣе всего сознаетъ Коль: въ отличіе отъ Пенти, ограничивающагося лозунгомъ возврата къ Средневѣковью, которое онъ креативно стилизуетъ въ духѣ «болѣе тонкаго индивидуализма», Коль правильно видитъ подлежащую рѣшенію проблему. Функциональная организація не должна растворять личность въ функции, но напротивъ должна содержать въ себѣ самой «гарантію признанія того факта, что общество основано на индивидахъ, существуетъ въ индивидахъ и для нихъ и иногда не можетъ трансцендировать изъ индивидовъ, его составляющихъ». Поэтому именно принципъ функции есть не этический, а правовой принципъ, не принципъ личности, а принципъ социальной организаціи. Поэтому также теорія общества должна избѣгать основной ошибки всѣхъ органическихъ теорій, которые отождествляютъ общественную организацію (ассоціацію) съ личностью, мыслью и личностью и общественную организацію, какъ простую субстанцію, и полагаютъ,

9) Срв. въ книгѣ Гурвича (*Fichtes System d. konkreten Ethik* 1925) удачную характеристику трансцендентализма (стр. 4). Что и авторъ, причисляющіе себя къ «онтологическому» направлению, въ указанной идеѣ многопланности бытія видятъ своеобразную черту современнаго философскаго созавія, показываетъ статья В. Сеземана «Платонизмъ, Плотинъ и современность» (особ. заключеніе, «Логосъ» 1925. 1).

10) Въ этомъ проявляется богоподобное существо личности и обратно — личный характеръ Божества.

что воля индивидовъ воплѣтъ исчерпывается волей тѣхъ организацій, къ которымъ они принадлежать. 11)

Какіе болѣе конкретные выводы слѣдуютъ изъ нашего, повидимому, столь отвлеченнаго разсужденія? Если личность мыслится одноклассно, какъ простая субстанція, то социальная организація, опредѣляемая соответственной функціей, притязаетъ на личность *цѣликомъ*, исключая другія социальные организаціи и не признавая неотъемлемыхъ субъективныхъ правъ личности, которыя въ концѣ концовъ суть не что иное, какъ права личности на самовыраженіе въ данной социальной сферѣ. Въ такомъ случаѣ между множествомъ отдѣльныхъ социальныхъ организацій и порождаемыхъ ими правопорядковъ возможно лишь или іерархическое отношеніе подчиненія (*субординаціи*), или отношеніе взаимнаго исключенія, соперничества и борьбы (*десубординаціи*), регулируемое нормами международно-правового характера. Таково и было въ сущности устройство Средневѣковья: это было время взаимной борьбы между собою различныхъ социальныхъ организацій и ихъ правопорядковъ, которая статически (въ періодъ мира) представляла своеобразное международно-правовое общеніе, динамически же (по своему замыслу) руководилась универсалистической идеей единой и всеобщей іерархіи. Напротивъ, если личность мыслится многофункционально, какъ центръ многихъ скрещивающихся въ ней, но никогда сплошн не выражающихъ ее социальныхъ организацій, эти послѣднія должны находиться между собою въ отношеніи взаимно согласованныхъ другъ съ другомъ и ограничивающихъ другъ друга правопорядковъ (въ отношеніи *координаціи*). Идея права есть въ такомъ случаѣ не только идея мира и согласія (*concordia*), какъ въ среднѣ вѣка 12), но идея взаимнаго содѣйствія и сотрудничества (солидарности), стимуляція максимальной активности какъ каждаго отдѣльнаго социального союза въ его специфической сферѣ дѣйствія, такъ и каждаго отдѣльнаго индивида. Такъ понятая идея права не только шире средневѣковой идеи права, но и либеральной идеи права новаго времени, сводившейся къ началу разграниченія сферъ свободы отдѣльныхъ индивидовъ 13). Она въбираетъ въ себя и идею положительной свободы новаго либерализма, согласно которой право не только *разграничиваетъ* готовыя сферы свободы предполагаемыхъ рав-

11) Soc. Theory, стр. 49, 21.

12) Срв. E. Bourgeois. Le capitalaire de Kiersy-sur-Oise. 1885.

13) Срв. наши статьи о либерализмѣ в ХХІ и ХХІІІ кн. «С. З.»

кими индивидовъ, но *обеспечиваетъ* отдѣльнымъ, стоящимъ на разной ступени развитія индивидамъ *ростъ* ихъ свободы, понятой въ смыслѣ личной активности. Однако, она распространяетъ эту послѣднюю идею на активность и тѣхъ общественныхъ объединеній, изъ которыхъ нынѣ все въ большей степени слагается современное реальное общество. Право, въ этомъ своемъ пониманіи, есть совокупность нормъ, обеспечивающихъ максимумъ активности какъ отдѣльнымъ индивидамъ внутри общества, такъ и тѣмъ союзнымъ организациямъ ихъ, въ которыя они объединяются ради выполнения той или иной общезначимой функціи. Расширяя, съ одной стороны, право за предѣлы государства, съ другой, понимая право, какъ систему координаціи личной и корпоративной активности общества, правовой социализмъ исходитъ изъ наиболѣе широкой идеи права, какава доселѣ была выставлена.

15. Проблема обеспеченія личной свободы множественностью координированныхъ правопорядковъ есть для современнаго сознанія прежде всего *проблема отношенія права къ государству*. Плуралистическое пониманіе права, какъ права социальнаго, по видимому, въ первую очередь направлено противъ государства, привыкшаго въ новое время смотрѣть на себя, какъ на монополиста права, его единственный и исключительный источникъ. «Доволюція государства» въ пользу своихъ автономизирующихся органовъ и спонтанно возникающихъ общественныхъ союзовъ, перенесеніе суверенитета съ государства на право, приведеніе его на ступень только «одного изъ разнообразныхъ человѣческихъ союзовъ, могущаго притязать на выдающееся, по отношенію къ исключительное значеніе», — развѣ все это не вытекаетъ изъ идеи координаціи и развѣ не умалится всемъ этимъ государство, какъ таковое? Именно въ этомъ пунктѣ мы и внутри гильдеизма наталкиваемся на наибольшія колебанія и неясности, свидѣтельствующія о трудности возникающей здѣсь проблемы.

Въ гильдеизмѣ мы выведемъ два рѣзко различающихся между собой рѣшенія вопроса : для Гобсона специфическая функція государства есть функція координаціи составляющихъ общество организаций, 14) напротивъ для Коля таковою является «политическая функція», тогда какъ функція координаціи выполняется особымъ органомъ, составляемымъ изъ представителей гильдейскихъ организаций и государства и носящимъ «не столько за-

14) Срв. **Hobson and Orage**, *National Guilds* (Bell).

конодательный и исполнительный, сколько судебный характеръ». При этомъ оба согласны въ томъ, что государство, деволуционировавъ, утрачиваетъ свою всекомпетентность и становится *однимъ изъ многихъ* общественныхъ союзовъ съ компетенціей, строго ограниченной его основной функціей. Не трудно увидѣть, что въ самой постановкѣ вопроса и въ томъ рѣшеніи его, которое предлагаетъ Коля, сохранились еще слѣды происхожденія гильдейскаго социализма, какъ первоначально эклектическаго соединенія синдикализма съ демократическимъ коллективизмомъ. Для синдикализма, какъ мы знаемъ, государство по самому существу своему, по своей идеѣ, а не въ исторической формѣ, есть чисто механическое соединеніе гражданъ, этихъ абстрактныхъ, предполагаемыхъ равными единиць атомистически распыленнаго общества. Такъ какъ ни такого общества, ни такого абстрактнаго гражданина въ современной дѣйствительности нѣтъ, то государство и отвергается синдикализмомъ. Въ противоположность этому гильдейству (особенно въ лицѣ Коля) выставляетъ идею какъ бы двойственной природы человѣка. Съ одной стороны, какъ производитель, онъ характеризуется *различными* функціями въ производственномъ процессѣ. Въ этомъ своемъ качествѣ онъ «представляется» разнообразными гильдіями и ихъ объединеніями. Съ другой стороны, онъ обладаетъ и *средней сущностью*, одинаковой у него со всѣми другими членами общества. Въ этомъ своемъ качествѣ онъ «представляется» «абстрактнымъ» государствомъ и другими территориальными союзами. Поэтому въ гильдействѣ организаціи производителей не отмѣняютъ государства, а ограничиваютъ его, дѣлять съ нимъ власть, въ послѣднемъ счетѣ пригалажающую посредствующему высшему органу, какъ суперарбитру между многообразной природой человѣка, какъ активнаго производителя, и одинаковой природой его, какъ пассивнаго гражданина. За государство, съ этой точки зрѣнія, сохраняются тѣ функціи, которыя относятся къ одинаковой природѣ всѣхъ гражданъ. Сюда, по взгляду Коля, входятъ хозяйственная функція представительства интересовъ гражданъ, какъ потребителей, и политическая функція, къ которой относится защита личныхъ правъ (въ частности семейное право, договорное право и т. д.), а также забота о народномъ образованіи, здравіи и т. д. 15)

Безспорно, что потребление (особенно предметовъ и услугъ первой необходимости) въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ производство, затрагиваетъ въ настоящій моментъ людей одинаковымъ

15) Срв. Soc. Theory, 86 сл. — The World of Labour, 410 сл.

образомъ. 16) Но съ другой стороны, считать, что «въ потребленіи всѣ интересы стремятся быть тождественными, тогда какъ въ производствѣ они стремятся быть различными», 17) есть ничѣмъ не доказанное предположеніе. Вплоть правально говорить В. М. Черновъ, что гильдеизмъ совершенно не учитываетъ въ данномъ случаѣ факта кооперативнаго движенія, которое, выростая такъ же спонтанно, какъ и синдикальное движеніе, изъ пѣдръ самого общества, независимо отъ государства, объединяетъ потребителей въ самостоятельныя организаціи, во все большей мѣрѣ регулирующія эту сторону хозяйственнаго процесса. 18) Для нѣкоторыхъ странъ кооперативныя организаціи (изъ которыхъ многія при этомъ въ различной степени объединяютъ функцію потребленія съ функціей производства) не меньше, чѣмъ синдикальныя, могутъ притязать на участіе въ управленіи хозяйствомъ. Безспорно, что въ данномъ пунктѣ гильдеизмъ отдаетъ еще слишкомъ много дали предразсудку первоначальнаго социализма (объ которомъ у него съ классической политической экономіей) о производительномъ характерѣ обмѣна (торговли), что сказывается на неясности самаго противопоставленія у него производства потребленію. Поскольку «потребленіе» заключаетъ въ себя отчужденіе и обмѣнъ, а обмѣнъ, какъ это врядъ ли стоитъ сейчасъ подробно доказывать, не только «перемѣщаетъ» блага, но и «создаетъ» цѣнность (точнѣе, участвуетъ въ созданіи цѣнности) благъ и услугъ, организаціи потребителей (кооперативныя организаціи) принципиально не такъ ужъ отличаются отъ организацій производителей и вплоть могутъ быть включены въ систему *социально*, а не *государственно* организованнаго хозяйства. Государство принципиально такъ же не можетъ «представлять» потребителей, какъ оно не можетъ представлять и производителей. Выражаясь въ терминахъ гильдеизма, потребительскія организаціи по существу должны входить въ систему гильдейскаго объединенія, а не противостоящую ему систему территориальныхъ союзовъ, возглавляемую государствомъ. Отсюда отнюдь не слѣдуетъ, что государство не имѣетъ *никакихъ* хозяйственныхъ функцій, какъ это утверждаетъ (въ отличіе отъ гильдеизма) синдикализмъ. Оно должно безспорно сохранить за собою нѣ-

---

16) О томъ, что «потребленіе принимаетъ все болѣе единообразный характеръ», говорить и Лифманъ, *Формы предпріятій*, стр. 193.

17) S. Th., 98.

18) Конструктивный социализмъ, стр. 355.

которыя изъ нихъ, но, конечно, не какъ представитель тождественныхъ, *одинаковыхъ* интересовъ (которыя суть якобы интересы потребления), а какъ представитель наиболее общихъ интересовъ, т. е. интересовъ всего общества *въ цѣломъ*. Ибо если даже допустить, что само хозяйство въ достаточной степени «представляется» обще-гильдейской организаціей, включающей въ себя и производителей и потребителей, то безспорно, что хозяйство *въ цѣломъ* есть уже больше, чѣмъ *только* хозяйство, и «интересъ» его можетъ быть опредѣленъ лишь *въ связи съ другими*, нехозяйственными потребностями и задачами общества. Такимъ образомъ ошибка гильдензма вызывается тѣмъ, что онъ еще не совсѣмъ освободился отъ механистической концепціи общества, мыслящей цѣлостность въ терминахъ тождественной одинаковости. 19) Впрочемъ въ предисловіи ко второму изданію своего *World of Labour* Коэль самъ сознаетъ уже отчасти неправильность своего построенія. Анализируя функціи мѣстныхъ самоуправленій, онъ признаетъ, что универсальная всекомпетентность послѣднихъ даже въ области удовлетворенія одинаковыхъ потребностей населенія имѣть за себя не больше оснований, чѣмъ универсальная всекомпетентность парламента. Выбирать однихъ и тѣхъ же людей для представительства интересовъ потребителей электрической энергіи, водопровода, медицинскихъ услугъ, образовательной дѣятельности и т. д. такъ же нелѣпо, какъ выбирать однихъ и тѣхъ же людей для руководства европейской и азиатской политикой, съ одной стороны, и рѣшеніемъ вопроса о новой должности никовальнаго инспектора въ Юркширѣ, съ другой. Поэтому Коэль высказывается за созданіе частныхъ органовъ *ad hoc* выбираемыхъ специально для представительства отдѣльныхъ различныхъ интересовъ населенія, какъ потребителя *различныхъ видовъ* благъ и услугъ (напр., санитарнаго и медицинскаго дѣла, школьнаго и т. п.). Совершенно справедливо говоритъ онъ, что такая деволюція мѣстныхъ органовъ самоуправления, какъ организаціи потребителей, не только уже отчасти наблюдается въ дѣйствительности (напр., созданіе специальныхъ выборныхъ органовъ народнаго просвѣщенія, имѣющихъ даже право обложенія особымъ цѣлевымъ налогомъ), но что она только и способна предотвратить грожающій ростъ бюрократіи въ мѣстныхъ самоуправленіяхъ, какъ

---

19) Это ошибочное пониманіе цѣлаго, какъ одинаковой общности, вполне раздѣляется и В. Черновымъ, какъ это видно изъ его критики гильдензма. Тамъ-же, стр. 358 сл.

слѣдствіе некомпетентности предполагаемой «всекомпетентной» организациі.

Но если представительство интересовъ потребителей отходить отъ государства къ специальнымъ *ad hoc* органамъ, то что остается для государства, какъ «всеобщей (inclusive) и принудительной территориальной ассоціациі»? Достаточно вдуматься въ конкретное содержаніе тѣхъ дѣятельностей, которыя Коль и другіе гильденсты означаютъ именованъ «политической функциі», чтобы убѣдиться въ томъ, что и здѣсь не только возможна и желательна, но уже и имѣетъ мѣсто аналогичная «деволюція». Такъ, охрана личныхъ правъ есть по преимуществу функція судебной власти, независимость которой по отношенію къ «государству» (сплошь и рядомъ большая, чѣмъ независимость по отношенію къ нему мѣстнаго самоуправления) давно уже ставить теоретиковъ государства передъ трудностью конструирования ея, какъ простого органа государства. 20) Поскольку же рѣчь идетъ объ относящемся сюда законодательствѣ (уголовный кодексъ, общая часть гражданскаго кодекса и т. д.), то практика принятія ряда кодексовъ за послѣднее время обнаруживаетъ и здѣсь своеобразную деволюцію парламента: вырабатываемые единолично выдающимися юристами или комиссіей юристовъ, они принимаются законодательными органами *en bloc*, безъ преній по существу и постольку имѣютъ реальнымъ источникомъ своимъ не столько волю государства, сколько, выражаясь въ терминахъ Л. И. Петражицкаго, «научный авторитетъ». Въ еще большей мѣрѣ это слѣдуетъ сказать о культурно-просвѣтительной функціи. Лозунгъ культурно-просвѣтительной деволюціи государства, т. е. предоставления завѣдыванія и организациі образовательной дѣятельности общества самимъ участникамъ образовательнаго процесса (организациямъ «производителей» и «потребителей» образованія) становится нынѣ все болѣе и болѣе актуальнымъ. Старая мысль *Кандорса* объ автономной системѣ всѣхъ образовательныхъ учреждений, подчиненныхъ въ послѣднемъ счетѣ «нейтральной и единственно компетентной власти Академіи, «по самой своей природѣ стоящей внѣ политическихъ тревоженій, свободной и непрерывной какъ сама наука» 21), съ особенной настоятельностью воскрешается нынѣ въ своихъ болѣе демократическихъ формахъ. Подъ лозунгомъ «автопомія духа» ее развиваютъ нынѣ

20) Срв. *Hauriou*, *Principes du droit public*, 1916 (2 изд.) Также см. статью Н. С. Тимашова въ кн. XXVII «Совр. Зап.»

21) Срв. наши «Основы педагогики». Б. 1923, стр. 310, 167 сл.

II. Натюрнъ, видящій въ ней органической элементъ системы «корпоративнаго социализма», 22) и Ратенау и Рудольфъ Штейнеръ, идея котораго о тройномъ функциональномъ дѣленіи властей (самоуправляющееся хозяйство, самоуправляющийся «духъ» и самоуправляющееся «государство») есть якобы логическое слѣдствіе изъ общихъ антропософскихъ предпосылокъ, 23) а еще раньше ее развивалъ чешскій педагогъ Ф. Дртина, впрочемъ исходившій при этомъ изъ мотива обезпеченія національной автономіи. Въ видѣ требованія предоставленія учительскимъ «гильдіямъ» особыхъ правъ участія въ школьномъ законодательствѣ къ идеѣ этой близко подходитъ рядъ учительскихъ организацій не только въ Европѣ, но даже и въ Америкѣ. 24) Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что «культурно-просвѣтительная» или «духовная» деволуція государства имѣетъ за себя не менѣе основаній, чѣмъ деволуція хозяйственная.

Изъ всѣхъ многочисленныхъ функций современнаго государства за нимъ такимъ образомъ остается повидимому только иностранная политика. Но самъ Коля рѣшительно отвергаетъ способность государства представлять общество во внѣшнихъ сношеніяхъ. Какъ мы видѣли, эти послѣднія частично распределяются между подлежащими функциональными организаціями общества (хозяйственной и — при идущей до конца деволуціи — также культурно-просвѣтительной и «ячично-охранительной»). Поскольку же рѣчь идетъ о «такихъ сторонахъ международной или внѣшней дѣятельности, которая включаетъ въ себя болѣе чѣмъ одну функцію или требуетъ рѣшенія всего общества, какъ дѣлаго» (например, рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ, распоряженіе вооруженными силами и т. п.), онѣ, по взгляду Коля, отходятъ къ высшей координирующей организаціи. «Ибо дѣятельность эта включаетъ въ себя и интересуется всѣ существующія формы общественныхъ ассоціацій». 25) Иначе говоря, она затрагиваетъ не безразличное къ отдѣльнымъ функциямъ *среднее и одинаковое существо человека, а потому* всѣхъ его функций, *цѣлое* общества, какъ таковое представляемое объединяющей всѣ отдѣльныя функціи организаціей. Если подъ государствомъ понимать представительство одинаковой, средней природы че-

22) Sozial-Idealismus, 1920.

23) R. Steiner, Die Kernpunkte der sozialen Frage.

24) Срв. напр., статью Olive M. Jones. The Teachers въ Teacher College Record XX-VI, 6.

25) Soc. Th., 141 сл.

ловка, как это дѣлаетъ Коль, то тогда синдикализмъ правъ : для государства не остается тогда никакихъ функций, и, растворяясь сполна въ функциональныхъ организацияхъ, оно «отмираетъ». Ошибка синдикализма заключалась не въ томъ, что онъ отъказывалъ во всякой реальности «отвлеченному гражданину» и механически составленному изъ этихъ ирреальныхъ атомовъ государству, а въ томъ, что онъ въ этой механической формѣ государства видѣлъ самое существо послѣдняго, его идею. Но гильдеизмъ (и не только одинъ Коль) остается именно при этомъ механистическомъ понятіи государства. Коль прямо *опредѣляетъ* государство, какъ «всеобщую территориальную ассоціацію, игнорирующую различія между людьми и обладающую властью принужденія по отношенію къ всякому, кто нормальнымъ образомъ дѣйствуетъ на его территоріи», разумѣя фактически подъ нимъ современный парламентъ, который «притязаетъ представлять меня въ отношеніи ко всѣмъ вещамъ и потому не представляетъ меня ни въ чемъ, притязаетъ быть всекомпетентнымъ и потому ничего не понимаетъ». 26)

При такомъ пониманіи государства спасти его невозможно. Коль удастся это только потому, что онъ возлагаетъ на него не свойственную ему обязанность представлять якобы тождественныхъ по своей природѣ потребителей и, по синдикалистски-марксистской традиціи отождествляя общество съ хозяйствомъ, не видитъ возможности деволуціи также и нехозяйственныхъ функций государства. Онъ возлагаетъ на государство еще слишкомъ много, потому, что въ концѣ концовъ мыслить его еще слишкомъ уменьшеннымъ, какъ механическую ассоціацію однородныхъ атомовъ. Можно возразить, что, поскольку гильдеизмъ, въ отличіе отъ синдикализма, признаетъ необходимость координирующей организаціи въ обществѣ и притомъ мыслить послѣднюю не какъ неустойчивую конфедерацію синдикатовъ, а какъ устойчивое федеральное единство функционально раздѣленныхъ властей, весь споръ сводится къ спору о названіяхъ. Самъ Коль это признаетъ, говоря : «копечпо, если подъ «государствомъ» понимать только яѣкую послѣднюю инстанцію, то тогда не стоитъ больше говорить, ибо въ этомъ смыслѣ всякій, кто не анархистъ, призываетъ государственный суверенитетъ». 27) И все же не случайно Коль говоритъ о раздѣленіи властей *въ общество*, а не государствѣ, не случайно государство есть для него только *одна* (поли-

26) Тамъ-же, 95 сл.

27) Selbstverwaltung in der Industrie, 1926.

тическая) изъ властей, высшую же координирующую организацію къ обществѣ называетъ онъ сверхгосударственной, хотя именно къ ней онъ относитъ полномочія (право войны и мира, распоряженіе вооруженными силами), обычно считающіяся прерогативами *государственного* суверенитета. Признать именно эту высшую координирующую организацію въ обществѣ государствомъ Колю мѣшаетъ унаслѣдованный имъ отъ сивдикализма взглядъ на государство, какъ на механическое представительство средней, одинаковой природы челоуѣка. Но *такое* государство деволюціонируетъ гораздо дальше, чѣмъ думаетъ Колю. Или государство есть ничто, или оно представляетъ не средний и одинаковый интересъ отдѣльныхъ «гражданъ», а цѣлокупный и единый интересъ всего общества.

Государство, когда оно осуществляло свою задачу и тѣмъ самымъ приближалось къ своей идеѣ, всегда представляло цѣлокупный и единый интересъ всего общества. Это именно остро чувствуется современнѣйшимъ ревизионизмомъ, недостаточно одвѣннутымъ къ усвоеннѣй гильденизму. Тотъ фактъ, что этотъ цѣлокупный и единый интересъ всего общества является въ формѣ средняго и одинаковаго интереса предполагаемыхъ равными гражданъ, относится уже не къ существованію государства, а къ его умаленію. На путяхъ этой умаленной формы государства возстановить идею государства невозможно. Въ дѣйствительности, однако, деволюція государства путемъ функциональной организаціи общества ведетъ не къ умаленію государства, а къ его возвышенію. Она снимаетъ его нынѣшнюю умаленность и приближаетъ его къ его идеѣ. Это значить, что *государство есть именно координирующая организація общества*, и что функція его заключается не въ томъ, чтобы представлять безразличное среднее ничто атомизированной личности, а въ томъ, чтобы представлять полную взаимно-сопряженныхъ дѣятельностей функционально расчлененнаго общества. Отсюда слѣдуетъ, что даже при дошедшей до своего предѣла деволюціи, при полномъ расчлененіи нынѣшней универсальной всекомпетентности государства на отдѣльныя функціи и распределеніи послѣднихъ между самоуправляющимися ассоціаціями негосударственнаго типа, государство къ какому то *особомъ* смыслу сохраняетъ и свою универсальность и свою всекомпетентность. Въ точномъ опредѣленіи существа этой *новой* универсальности и этой *новой* всекомпетентности и заключается центральная проблематика социалистическаго государства. Преобразование государства въ организацію, координирующую активность самоуправляющихся на основаніи порождаемаго ими социальнаго права об-

ществленных корпораций, есть не что иное, как до своего логического конца идущее пронизание государства правом. Совершенно не верно считать, что государство таким образом уменьшается в своей активности и даже в своей всеобщности. И та и другая только мѣняют свое качество. Коль устанавливает дѣятели особенности координирующей организации, препятствующая, по его мѣтению, применить къ ней наименование государства. 28) Во первыхъ, въ отличіе отъ простой системы «профессиональной палаты», дополняющей или замѣняющей палату личного представительства и продолжающей раздѣлять ея всекомпетентность, «функциональная организация опредѣленно уполномочиваетъ каждое функциональное объединеніе рѣшать всѣ тѣ дѣла, которыя относятся къ его функціи, безъ всякаго вмѣшательства въ его нормальныя операціи со стороны какого бы то ни было посторонняго органа». И, во вторыхъ, «координирующая, или «союзная» (Joint) организация имѣетъ не столько административный или законодательный характеръ, сколько, частично сохраняя по необходимости и тотъ и другой, есть въ первую очередь судебная инстанція. Она въ нормальныхъ случаяхъ не проявляетъ инициативы, она выноситъ приговоръ». Достаточно вдуматься въ эти опредѣленія, чтобы убѣдиться, что активность государства, какъ координирующей организации, не столько уменьшается, сколько мѣняютъ свое качество. Въ самомъ дѣлѣ невмѣшательство посторонняго органа въ дѣла, относящіяся къ функціи соотвѣтствующаго функциональнаго объединенія, предполагаетъ не только отграниченіе этой функціи отъ другихъ, съ нею смежныхъ, но и всегда активно-напряженное, въ постоянномъ процессѣ находящееся отношеніе этой функціи, какъ *цѣлаго*, къ цѣлостности всѣхъ общественныхъ функцій вообще. Координирующая организация должна «блюсти интересъ» этой никогда не готовой и данной, а всегда создаваемой и заданной цѣлостности, и уже потому одному она необходимо должна быть не просто судебной инстанціей, выносящей приговоръ на основаніи даннаго закона, а федеральной организацией, размежевывающей компетенціи, предупреждающей конфликты, разрешающей ихъ своимъ приговоромъ, ставящей отдѣльнымъ функциональнымъ объединеніямъ общія задачи ихъ дѣятельности, поскольку оны вытекаютъ изъ цѣлостнаго интереса *всего* функционально-расчлененнаго общества. Не надо забывать, что всякая отдѣльная функція, взятая какъ цѣлое, есть всегда нечто большее, чѣмъ она сама,

28) Soc. Theory, 136 сл.

и въ этомъ своемъ качествѣ она уже есть дѣло не функціональной только, а сверхфункціональной организаціи. Взглядъ Коля на координацію, какъ на чисто пассивную функцію, носитъ на себѣ слѣды ложнаго старо-либеральнаго пониманія свободы, какъ нѣкоей готовой, разъ навсегда отмѣренной сферы произвольнаго дѣйствія. 29) Не только свобода отдѣльнаго индивида, но и свобода социальныхъ группъ есть на дѣлѣ постоянный процессъ, въ неустанной активности осуществляемое заданіе. Она растетъ и въ мѣру своего роста непрерывно, какъ бы заново создается и отмѣряется. Поэтому обезпеченіе свободы и здѣсь никогда не можетъ быть простой отрицательной охраной, но есть положительная дѣятельность побужденія и ограниченія, руководства и контроля, поставленія цѣлей и ихъ согласованія. 30) Пусть даже значительная часть этой координирующей работы будетъ выполняться путемъ непосредственныхъ договоровъ между заинтересованными функціональными объединеніями. На долю государства, какъ *всеобщей* координирующей организаціи, останется достаточное количество вопросовъ, затрагивающихъ интересы всѣхъ или большинства функціональныхъ организацій, т. е. всего общества въ цѣломъ. И чѣмъ сильнѣе будетъ активность отдѣльныхъ функціональныхъ объединеній, тѣмъ болѣе будетъ ставиться подобныхъ вопросовъ, и тѣмъ болѣе будетъ возрастать активность координирующей организаціи, т. е. государства. Въдѣ все своеобразіе личной и общественной активности, которымъ именно она и отличается отъ простой физической энергіи, въ томъ и состоитъ, что она не умалится, а напротивъ возрастаетъ отъ распредѣленія ея между многими центрами. Поскольку, напр., общее понятіе обязательной школы, страхованія отъ безработицы ит. и. затрагиваетъ не только культурно-просвѣтительную или хозяйственную «власть» въ обществѣ, но и всѣ другія функціональныя объединенія и, значитъ, все общество въ цѣломъ, государство устанавливаетъ тѣ *задачи*, которыя соответственные функціональныя объединенія имѣютъ разрѣшить. Оно устанавливаетъ какъ бы извѣстный *уровень* общественно-корпоративной активности, ея *качество* или форму, которая специфицируется и наполняется

29) Срв. нашу статью о либерализмѣ, С. З. ХХП, 278 сл.

30) Впрочемъ и самъ Коля, вручая координирующей организаціи вопросы высшей иностранной политики, распоряженіе вооруженными силами и право «высшихъ формъ принужденія», значительно отходитъ отъ пониманія ея, какъ только выносящей приговоръ судебной инстанціи.

определенным содержанием уже подлежащими функциональными организациями. 31) В этих же пределах оно сохраняет за собой и контроль над автономными функциональными «властями», препятствуя тем самым последним выродиться в игнорирующие интересы цѣлаго привилегированныя сословія. Постольку за государством остается универсальность и всеобщность, но *всеобщность не содержания, а качества*: всекомпетентность принимает характер сверхкомпетентности, предписываемый же извѣстному образцу дѣйствія замѣняется устанавливаемым *уровнемъ требуемой активности*. Конечно, такъ понятие государства не всефункционально, но оно и не безфункционально, какъ полагаетъ В. Черновъ, 32) а сверхфункционально, т. е. *въ упомянутыхъ пределах* установленія задачъ и уровня их разрѣшенія, поскольку онѣ вырастаютъ изъ цѣлеуказаннаго интереса всего общества, оно разрѣшаетъ вопросы, относящіеся ко всѣмъ разнообразнымъ функциямъ общественнаго цѣлаго. 33) Отношеніе его къ координируемымъ имъ функциональнымъ «властямъ» болѣе всего напоминаетъ отношеніе федеральнаго государства къ государствамъ — членамъ федераціи. Какъ въ союзномъ государствѣ точная определенность компетенціи союзныхъ органовъ обезпечиваетъ сохраненіе государствами — членами ихъ относительной независимости и даетъ примѣръ всеобщности, не являющейся тѣмъ самымъ всекомпетентностью, точно такъ же и въ функциональномъ государствѣ всеобщность послѣдняго не означаетъ безпредѣльности государственной власти и ея *материальной* всекомпетентности. Постольку къ будущему государству вполне примѣнимъ терминъ *функциональнаго федерализма*, отнюдь не исключительнаго, конечно, и федерализма территориальнаго. Впрочемъ все это — музыка еще весьма отдаленнаго будущаго. Постепенность процесса деволуціи современнаго государства говоритъ за то, что путь къ функциональному федерализму будетъ лежать черезъ этапъ своего рода *функциональной автономіи*, т. е. выдѣленія государствомъ различныхъ функциональныхъ объединеній относительно самостоятельной области дѣйствія съ определенной компетенціей. Въ этомъ смысле Пен-

31) Срв. наши «Основы педагогики», 166 сл.

32) Это въ сущности признаетъ и Коль: его «координирующая организация» тоже разрѣшаетъ вопросы, относящіеся ко всѣмъ функциямъ, отъ чего она, конечно, не становится всекомпетентной въ строгомъ смыслѣ слова (по содержанию).

33) Цит. соч., 350.

ти и Тэйлоръ (въ отличіе отъ Коля) справедливо настаиваютъ на томъ, что одной изъ главныхъ функций будущаго гильдейскаго государства будетъ «признаніе» государствомъ гильдій и ихъ объединеній черезъ надѣленіе ихъ соответствующими «хартіями». 34)

Итакъ, превращеніе государства въ сверхфункциональное единство функционально-расчлененнаго общества означаетъ не столько умаленіе его, сколько его расширеніе. Совершенно правъ Гобсонъ, говорящій объ «одухотвореніи» государства, о превращеніи его въ подлиннаго выразителя общей воли, «вождя народа». Функциональная организація общества сплываетъ тѣ умаленія государства, которыя происекали отъ несоответствія его механической структуры органическому строенію общества, и постольку приближаетъ его къ его идеѣ. Идея эта была въ зародышѣ формулирована еще Цицерономъ, какъ *Res Publica* — общее дѣло. Точнѣе было бы сказать — общее *dѣйствіе*. Особенность всякаго правового ограниченія (а видимымъ сейчасъ предѣломъ такового для государства и является «функциональное раздѣленіе властей») заключается въ томъ, что, порождаяе общимъ дѣйствіемъ, оно вмѣстѣ съ тѣмъ и его стимулируетъ. *Правовое ограниченіе государства есть поэтому всегда не умаленіе, а повышеніе его активности.* По сравненію съ абсолютизмомъ демократія есть ограниченіе государства субъективными правами его гражданъ, и притомъ не только отрицательными правами невмѣшательства въ сферу личной свободы, но и положительными правами дѣйствія въ интересахъ роста личной активности. И вмѣстѣ съ тѣмъ и именно потому активность демократическаго государства выше активности государства абсолютистскаго: если послѣднее было какъ бы вышшею, механической оболочкой общества, и его машинообразная активность была безсильна вобрать къ себѣ и направить къ «общему дѣлу» активность дѣйствія, то демократія не только по замыслу своему, но и въ подданныхъ, въ которыхъ она видѣла только матеріалъ своего дѣйствительности была привлеченіемъ къ «общему дѣлу» множественной активности гражданъ и черезъ это обогащеніемъ и потенцированіемъ совокупнаго государственнаго дѣйствія. 35) Точ-

34) Taylor, *Der Gildenstaat*, гл. 6. — Penty, *Guilds and the social crisis*. London, 1919.

35) Такъ наз. кризисъ демократіи, т.-е. возрастающая пассивность избирателей и фактическое вытѣсненіе демократической конституціи въ конституціоннымъ партійнымъ механизмомъ, объясняется не «бездѣятельностью» демократическаго государства, а несоответствіемъ ны-

но также и дальнейшее ограничение государственной власти «социальным правом» выросших за это время общественных союзов способно только повысить активность государства, задачей которой отныне является дать выражение этой накопившейся активности и сосредоточить ее в едином фокусе своего совокупного действия. Поэтому как демократия в большой мере выражает идею государства, чем абсолютизм, 36) точно так же и функционально организованное государство есть больше государство, чем государство демократическое. Противоположен личности, как безопасного источника активности, не очерченного теми отдельными функциями, которые она выполняет в обществе, такое государство есть полнота функциональной активности, сверхфункциональное единство функций, а не их безразличное ничто. Оно есть не только следствие возросшей функциональной активности самого общества, но и техническое средство удержания, сосредоточения и повышения этой активности. Если цели области этой активности отходят от него к другим общественным союзам, то это не значить, что его собственная активность от этого умалется. Она только переводится в высшую плоскость, в плоскость согласования и сосредоточения частичных активностей других общественных союзов и в этом смысле, действительно, одухотворяется. Функциональное государство меньше, чем какая либо другая форма государства, противополит «обществу». Напротив, «общество» максимальным образом оказывается здесь вобранным (*aufgehoben*) в государство. Из отрицающего государство начала, каким оно было в первоначальном социализме вплоть до спидкализма, оно становится здесь его внутренней опорой и основанием. В этом смысле можно сказать, что правовой социализм вбирает в себя начало отрицания предыдущего социализма. Но, лишаясь своего абсолютного характера, становится в нем *моментом* более обширного блага, отрицание («общество») вмѣ-

---

нших демократических учреждений задач собрать в один фокус всю ту общественно-групповую активность, которую оно же пробудило к жизни.

36) Симптомом этого удовлетворения демократическим государством большей активности граждан является тот бесспорный факт, что государство в нем ощущается как свое дело более широкими кругами населения, которые при абсолютизме относились к нему индифферентно — пассивно.

сто уничтоженія отрицаемаго («государства») преобразуетъ послѣднее въ направленіи вѣщаго утвержденія.

Развитое выше пониманіе государства позволяетъ болѣе точнымъ образомъ рѣшить классическую *проблему взаимоотношенія между государствомъ и правомъ*. Какъ университетъ не есть регулирующий его дѣятельность университетскій уставъ, церковь не есть церковное право, рабочій синдикатъ не есть то (пока въ значительной части еще обычное) синдикальное право, которымъ регулируются отношенія между нимъ и его членами и взаимное отношеніе между послѣдними, какъ членами синдиката, точно такъ же *государство* слѣдуетъ отличать отъ порожденнаго имъ государственнаго *правопорядка*, регулирующаго отношенія между государствомъ и гражданами и взаимныя отношенія послѣднихъ между собою. Поэтому въ нашей проблемѣ надо различать двѣ стороны: проблему отношенія между государственнымъ *правопорядкомъ* и *правопорядкомъ* вообще и между государствомъ и *правомъ* въ болѣе узкомъ смыслѣ этого слова. Въ средніе вѣка несопадненіе государства съ обществомъ, государственнаго *правопорядка* и *правопорядка* вообще, государства и права было совершенно нагляднымъ. Государство было только однимъ изъ общественныхъ союзовъ наряду съ многообразными другими общественными ассоціаціями, имѣвшими независимое отъ него бытіе, вступающими съ нимъ въ борьбу и часто выходящими изъ этой борьбы побѣдителями. Государственный *правопорядокъ* былъ только однимъ изъ видовъ *правопорядка*, и притомъ роль его по сравненію съ негосударственнымъ *правопорядкомъ*, имѣвшимъ самые разнообразныя источники (обычное право, церковное право, гильдейское право, договорное право феодалной іерархіи), была весьма ограничена. Государство само не считало *правотворчества* своей существенной функціей и въ своей жизни даже руководствовалось болшею частью не имъ установленными, а заимствованными изъ другихъ *правопорядковъ* нормами. Впервые абсолютизмъ провозгласилъ монополію государственнаго *правопорядка*, откуда и идетъ отождествленіе государственнаго *правопорядка* съ *правопорядкомъ* вообще и поглощенія имъ всѣхъ другихъ *правопорядковъ*. Параллельно съ этимъ шелъ процессъ частію уничтоженія всѣхъ другихъ общественныхъ союзовъ, частію превращенія ихъ въ корпораціи въ «учрежденія» и органы государства. Ликвидировавъ всѣ старыя феодальныя общественныя связи, государство стало какъ бы лицомъ къ лицу съ обществомъ, какъ неорганизованнымъ агрегатомъ отдѣльныхъ подданныхъ. Однако, присвоивъ себѣ монополію права и слѣ-

лавъ правотворчество своей существенной функцией, абсолютистское государство не отождествляло себя съ правомъ: оно считало себя стоящимъ надъ правомъ и на порождаемое имъ право смотрѣло лишь какъ на орудіе болѣе обширной* и универсальной задачи осуществленія общаго Блага. Только съ либерализма идетъ отождествленіе государства съ правомъ въ видѣ поставленія государству, въ качествѣ единственной и исчерпывающей его задачи правотворчества и правоохраны. Государственный правопорядокъ еще рѣзче мыслится здѣсь какъ правопорядокъ вообще общества — какъ простой агрегатъ отдельныхъ атомовъ-гражданъ, нуждающихся для своей общественной жизни только въ однообразномъ, на всю территорію общества распространяющемся правѣ-государствѣ. Какъ мы видѣли выше, концепція эта вполне раздѣлялась и отрицавшими государство-право марксистами: новый либерализмъ съ одной стороны, и ревизионизмъ, съ другой, находятся также всецѣло еще подъ ея вліяніемъ. Впервые синдикализмъ рѣшительно порвалъ съ нею, противопоставивъ государству социальное право синдикальныхъ организацій. Однако, отрицаніе синдикализма государству, противопоставленіе свободнаго социальнаго права, какъ права истиннаго, принудительному праву государства, какъ праву мнимому, опять таки затупедало всю проблему. Только гильдеизмъ, реставрировавъ идею государства, вновь поставилъ — уже въ новой плоскости — проблему взаимоотношенія государства и права. Смысль лозунга «Новаго Средневѣковья» въ значительной мѣрѣ сводится именно къ отрицанію правовой монополіи государства, къ признанію государства однимъ только изъ общественныхъ правотворческихъ узловъ наравнѣ съ другими и къ различенію между государственнымъ и государственнымъ правопорядкомъ.

Коль, наиболѣе разработавшій теорію гильдеизма, опредѣленно различаетъ между тремя понятіями: общества — общенія (*community*), общества — организаціи (*society*) и государства, расположенными какъ бы на двухъ плоскостяхъ общественнаго бытія. 37) Плоскость *общенія* есть *основная*, глубинная плоскость общественнаго бытія: она кроетъ въ себѣ полноту послѣдняго; подобно личностямъ, изъ которыхъ обденіе состоитъ, она характеризуется текучестью своего бытія, неопредѣленностью очертаній, безконечностью и многообразиемъ пребывающихъ въ ней интересовъ и стремленій, нескончаемостью ея возможной активности: это есть плоскость обычаевъ, традицій, конвен-

37) Soc. Theory; гл. 2 и 8.

ціональныхъ правилъ. Примѣромъ такихъ общеній могутъ служить семья, деревня, городъ, пація, челоуѣчество. Надъ этой плоскостью возвышается, какъ его своего рода умаленная кристаллизациа, плоскость *организованнаго общества*: въ отличіе отъ простаго общенія организациа есть болѣе опредѣленное единство лицъ, преслѣдующихъ общую цѣль (purpose) или совокупность цѣлей; всякая организациа функциональна (или многофункциональна, но не всефункциональна, какъ въ цотепціи всефункциональна личность и община), т. е. преслѣдуетъ ограниченныя и опредѣленныя цѣли и руководится въ своей дѣятельности опредѣленными правилами, или нормами, какъ бы ни были онѣ иногда рудиментарны по формѣ. Среди этихъ организаций имѣются и такія, которыя преслѣдуютъ одинаковые интересы отдѣльныхъ членовъ (напримѣръ, акціонерныя компаніи); но также и такія, которыя преслѣдуютъ нѣкій общій сверхъиндивидуальный интересъ (напримѣръ, Церковь, тредъ-юніоны, университетъ). Чѣмъ важнѣе для общества функція, тѣмъ «существеннѣе» онѣ, какъ организациа. Обычаи, традиціи, условныя правила поведенія спускаются здѣсь до опредѣленнаго *правопорядка*. Эта вторая плоскость есть поэтому *плоскость социальнаго права*, столь же разнообразнаго, какъ и разнообразны тѣ отдѣльныя, опредѣленныя функціи, которыя лежатъ въ основѣ соответствующихъ организаций. Неправильно вознесенное со времени Ренессанса на какую-то высшую плоскость, государство въ индѣйскомъ стрѣѣ относится къ этой второй плоскости организованнаго общества. Оно — одинъ изъ общественныхъ союзовъ наряду съ другими социальными правовыми порядками. Однако, внутри правовыхъ порядковъ уже, а не порождающихъ ихъ организаций можно различить тоже какъ бы два слоя, сообразно степени принудительности, характеризующей отдѣльные правовыя порядки. Не будучи простымъ принужденіемъ, всякое право однако содержитъ въ себѣ возможность такового. Коль различаетъ два главныхъ вида принужденія. 38) Если первый затрагиваетъ имущество лица (штрафъ) или возможность его дѣятельности и самовыраженія (дисквалификація, исключеніе изъ союза, отказъ отъ совместной работы), то второе затрагиваетъ его тѣло (ограниченіе свободы передвиженія, тюрьма, смертная казнь). Первое частично, ограниченно, условно; второе затрагиваетъ всю личность цѣликомъ, оно безусловно. Но именно поэтому, по мнѣнію Коля, эта высшая

38) Онъ говоритъ даже о трехъ видахъ принужденія (S. Th., 129), на дѣлѣ сводящихся однако къ двумъ .

форма принуждения не может принадлежать ни одной из расположенных на второй плоскости функциональных организаций: представляя личность всегда частично, в одной или нескольких определенных ее функциях, эти организации (в том числе и государство) не вправе применять к ней принуждения, затрагивающего ее целиком. Применять высшие формы принуждения есть поэтому исключительное право той высшей координирующей организации, которая, объединяя на федеральных началах все функциональные организации, сама безфункциональна. Однако, эта координирующая организация не составляет нового, третьего, этапа общественного бытия, она не возвышается над государством и гильдейскими объединениями, как всякая верховная организация. Ибо она, в сущности, не есть особая организация, имевшая свою специальную (всегда частичную) функцию и порождающая регулирующей ее деятельностью (но и отличной от нее) правопорядок. По мысли Коля, она есть не что иное, как судебная власть, т. е. сам правопорядок в своей наиболее сгущенной, безусловно-принудительной форме. Как для либерализма государство совпадало с правопорядком, так и в концепции Коля высшая координирующая организация есть не что иное, как правопорядок; поэтому она для него и не совпадает с государством, которое хотя и порождает свой особый правопорядок, но функции коего не исчерпываются этим порождением. Вкратце концепцию эту можно представить в следующей схеме: текучее в своей неопределенности и неисчерпаемое в своей активности общество-общение (*community*) сгущается в организованные формы функционально-определенных общественных организаций (плоскость *society*, в том числе и государства); оформляющим началом деятельности последних являются различные правопорядки, в совокупности своей составляющие социальное право, одним из секторов которого является право государства; социальное право, вообще говоря — условно-принудительное, сгущается опять-таки в особый слой безусловно-принудительного права, реальным носителем которого является координирующая организация, не имеющая, однако, никакой другой функции, как «выносить приговоры», «открывать» право и быть носителем этого сгущенного правопорядка. 39)

Вскрытая нами выше ограниченность теории Коля, проист-

39) Независимо от Коля сходное с этим делением различие четырех ступеней социально-правового регулирования проводить и Г. Д. Гурвич в «Введении в теорию международного права». Ср.

находящая от недостаточного преодоления или индивидуалистского отрыва от государства, выступает в этой схеме с особою наглядностью. 40) И все же самая интересующая нас сейчас проблематика увлечена в ней с достаточной провицательностью. Стоит только в несколько исправить схему Коля в соответствии с развитым выше пониманием государства, чтобы получить правильное решение вопроса. Если государство и есть координирующая организация, как мы показали это выше, и если функция координации заключается в потенцировании, или сгущении активности функциональных общественных организаций, то государство представляет собою такой же сгущенный слой внутри организованного общества, каким внутри социального права является безусловно-принудительный (согласно нашей поправке — тоже государственный) правопорядок. Признаками этой сгущенности государства, как общественной организации, являются его территориальный характер и связанная с ним формальная всеобщность его (подчиненность ему помимо даже косвенного согласия и невозможность ухода от него), а государственного правопорядка — также и «безусловно-принудительный» характер его (возможность применения «высших форм принуждения» по терминологии Коля). 41) С другой стороны, однако, обоими последними признаками государство и его правопорядок только по степени отличаются от других, наиболее общих организаций и их правопорядков: так, возможность выхода из функциональной организации часто может фактически не превышать возможности «ухода» от государства путем эмиграции, а перспектива дисвалификации или исключения из функциональной организации может быть на деле больше сильной фор-

также его статью в кн. 25 «Совр. Зап.», где проводится различие между условно- и безусловно-принудительными нормами.

40) Так, напр., «высшая форма принуждения» принадлежит координирующей организации; между тем охрана личных прав и личной безопасности, которая, очевидно, не может обойтись без «высших форм принуждения», относится к специфическим функциям государства.

41) Из других обычно приводимых признаков государства и его правопорядка (срв. напр., Н. Алексеев, Общая теория государства (лекции), Прага, 1925, Отд. III, гл. II) «публичность» (в смысле служения общим, а не личным целям) характеризует равно все функциональные социальные организации и их правопорядки, а «материальная всеобщность» (т. е. всекомпетентность) ни одну из них, в том же числе и государство.

кой принуждения, чѣмъ «затрагивающія всю личность человека» его «высшія формы». Отъ общества — общенія, какъ неопредѣленнаго и неисчерпаемаго, глубиннаго основанія общественной жизни, до государства, какъ его наиболее опредѣленной и сгущенной вершины, идетъ рядъ постепенно переходящихъ другъ въ друга слоевъ социальныхъ организацій и ихъ правопорядковъ, различающихся между собою фактически лишь степенями ихъ формальной всеобщности и принудительности. Самъ Колю намѣчаетъ такой промежуточный слой социальной организаціи и правопорядка (ближе стоящій къ простому общенію и къ личности въ ея неисчерпаемой цѣлостности), когда говорить объ отличіи Церкви отъ политической и экономической функциональной организаціи. Настаивая на полной свободѣ церковной жизни и на правѣ Церкви вступать въ договорныя отношенія съ другими социальными организаціями (напр., въ дѣлѣ образованія), онъ, однако, говоритъ здѣсь о «коопераціи», а не координаціи и отказываетъ Церкви въ примѣненіи даже низшихъ формъ «материальнаго принужденія». 42) Въ одномъ Колю безспорно удалось схватить самую сущность занимающей насъ проблемы. Если вѣрно, что основная функція государства есть координація и сосредоточеніе активности функционально-организованнаго общества (что мы полагаемъ въ отличіе отъ Коля), то безспорно, что государство *стремится* совпасть со своимъ правопорядкомъ. 43) Въ этомъ заключается *точная правда либерализма*, тотъ моментъ его, который долженъ войти въ будущій социалистическій строй и которымъ этотъ послѣдній и отличается отъ Средневѣковья. Въ этомъ заключается и относительная правда опредѣленія Колема въ координацирующей организаціи, какъ судебной инстанціи. Тезисъ этотъ отнюдь не противорѣчитъ развитой выше мысли о повышеніи активности государства въ функционально организованномъ обществѣ. Поскольку дѣятельность эта заключается въ установленіи задачъ, самостоятельно разрѣшаемыхъ подлежащими функциональными организаціями, т. е. въ поддержаніи опредѣленнаго *уровня* активности, установленіи *качества* дѣятельности, а не предписываніи опредѣленныхъ по своему содержанію образцовъ послѣдней, она будетъ по преимуществу заключаться не въ актахъ управленія, а въ актахъ законодательства и суда. Это будетъ

42) Soc. Theory, т. I. XI.

43) Это, хотя и безъ достаточной точности зрѣнія, видѣлъ покойный Б. А. Кистяковский. Срв. его «Соціальныя науки и право», М. 1915. очеркъ «Государство и право».

дѣятельность установленія и поддержанія наиболѣе общаго правопорядка : вѣдь существо права вообще заключается въ томъ, что оно болѣе координируетъ и согласуетъ, нежели навязываетъ и властвуетъ, касается качества или уровня поведенія, а не его содержанія. Поскольку такъ понятый государственный правопорядокъ вбираетъ въ себя фунѳиональную активность общества, сгущая ее въ правовыхъ нормахъ, непосредственную же дѣятельность предоставляя соответствующимъ организациямъ, онъ по своей содержанію своему значительно шире того правопорядка, съ которымъ отождествлялъ государство классическій либерализмъ. Это есть Право, безконечно обогащенное всей полнотой преслѣдуемаго въ обществѣ Блага, или, что то же, Благо, пріобрѣтвшее видъ и характеръ Права. Конечно, полное сліяніе Блага и Права и, значитъ, совершенное совпаденіе государства съ государственнымъ правопорядкомъ недостижимо. Качество дѣятельности часто трудно отдѣлимо отъ ея содержанія. Правовые акты не всегда предѣлимы отъ актовъ чистаго властвованія, которые они часто предполагаютъ. Даже наиболѣе отождествившее себя съ правопорядкомъ государство принуждено будетъ дѣйствовать не только какъ правопорядокъ, но и какъ власть — конечно, согласно правопорядку, и притомъ какъ своему собственному, *такъ и другихъ общественныхъ организаций*. Но все же совпаденіе государства съ правопорядкомъ достижимо настолько, чтобы можно было съ полнымъ основаніемъ говорить о «суверенитетѣ права». Пусть, въ силу недостижимости полного совпаденія государства съ правопорядкомъ, суверенитетъ права не означаетъ абсолютнаго суверенитета его реальнаго носителя — государства. Въ *относительномъ* смыслѣ суверенитетъ продолжаетъ оставаться свойствомъ государства, поскольку, хотя и ограниченное различными правопорядками, государство все же остается для даннаго общества тѣмъ послѣднимъ авторитетомъ, который размежевываетъ въ нормахъ права фунѳиональныя сферы дѣйствія различныхъ общественныхъ организаций и ихъ правопорядковъ и которому принадлежитъ тѣмъ самымъ «компетенція компетенцій». 44)

44) Развитая выше теорія относительнаго суверенитета государства, какъ сверхфунѳиональнаго единства фунѳионально расчлененнаго общества, есть предѣлъ охарактеризованнаго нами въ предыдущей статьѣ (Эволюція либерализма, С. 3., ХХІІ, 287 с., ХХІІІ, 333 сл.) процесса развитія отъ демократіи, какъ неограниченнаго «самодержавія народа», къ демократіи, какъ къ «господству релятивизма». «Релятивизмъ» демократіи означаетъ въ послѣднемъ счетѣ не что иное, какъ относительность государственнаго суверенитета. Ничего общаго не

Выдвинутая Ренессансом, идея суверенитета, какъ свойства государственной власти, есть специфическая идея новаго времени. Среднимъ звѣномъ она была чужда. Полное отрицаніе государственнаго суверенитета дѣйствительно означало бы совершенный возвратъ къ среднимъ звѣнамъ, какъ таковой же возвратъ означало бы совершенное отрицаніе совпаденія государства и права или полное отрицаніе субъективныхъ правъ личности, укорененныхъ въ ея неисчерпаемыхъ социальныхъ функціяхъ ядрѣ. Подобно тому, какъ эти послѣднія начала входятъ въ характеризующій нами будущій строй, какъ его условные моменты, такъ и идея *относительнаго суверенитета государства*, какъ носителя безусловно-принудительнаго правопорядка и компетенціи компетенцій, составляетъ специфическое отличіе «новаго Средне-вѣковья» отъ стараго. Въ отличіе отъ деволюціи государства, которая, какъ мы видѣли, отнюдь не умаляетъ его активности, а придаетъ ей только все болѣе и болѣе правовой характеръ, процессъ распадающагося государства, приведшій къ феодализму, поставилъ его въ состояніе почти полной бездѣятельности. Хотя государство въ лицѣ короля, какъ высшаго сюзерена, и стояло во главѣ феодальной іерархіи, государственный правопорядокъ, бывший весьма ограниченнымъ по своей матеріальной компетенціи, былъ лишенъ и характера безусловной принудительности и связанной съ ней формальной всеобщности. Отсутствие координирующей инстанціи, обладающей компетенціей компетенцій, придавало всей сложной чрезполосной системѣ борющихся другъ съ другомъ социальныхъ правопорядковъ неустойчивый характеръ, болѣе всего напоминающій международно-правовое общеніе современности. И именно потому также эта система множественныхъ социальныхъ правопорядковъ, почти растворившихъ въ себѣ государство, не покрывала всей общественной жизни, не давала правового выраженія всемъ существеннымъ функціямъ общества. Въ ней были рѣзкіе провалы, какъ бы темныя пятна, совершенно не просвѣщенные правомъ. Таковы были откопѣли: внутри феода, оставившія вѣдѣ дѣйствія *соціального правопорядка* такую

имѣя съ релятивизмомъ философскимъ, отрицающимъ реальность абсолютныхъ цѣнностей (въ томъ числѣ и реальность «общей воли»), онъ только утверждаетъ активный характеръ послѣдней, какъ предмета совокупнаго исканія и совокупнаго творчества. Терминологически онъ поэтому связанъ съ идеей координаціи (соотнесенія) какъ полнннвой функціи права и государства, *стремящагося къ возможно полному совпадению съ правомъ*. Поэтому, пожалуй, правильнѣе было бы говорить о «реляціонизмѣ» демократіи, а не объ ея «релятивизмѣ».

существенную социально-хозяйственную функцию, как земледѣлие. Если ремесло было организовано въ гильдіяхъ, вырабававшихъ свой правопорядокъ, который занялъ опредѣленное мѣсто въ іерархической системѣ феодальнаго права, то феоде былъ послѣднимъ звеномъ въ этой системѣ. Отношенія *внутри* феода, регулировавшіяся обычаемъ, смягчавшимъ произволь его владѣльца, никогда не сгущались до той степени принудительности, которая позволяла бы примѣнить къ нимъ терминъ права и отвести имъ мѣсто въ феодальной системѣ социальныхъ правопорядковъ. И именно феоде, это темное, не просвѣщенное правомъ пятно въ феодальномъ строѣ, было тѣмъ началомъ, которое взорвало его изнутри. Крестьянскія возстанія, лозунгомъ которыхъ было сгущеніе обычая до степени права, ростъ королевскаго феода, приведшій къ зарожденію новаго уже внѣфеодальнаго правопорядка, привели къ усиденію королевской власти, выдвинувшей идею абсолютнаго суверенитета государства. Не нашедшая себѣ мѣста въ правосознаніи феодальнаго общества, эта идея зародилась внутри феода. Недаромъ она носила первоначально «частно-правовой» (патримоніальный) характеръ. Ибо именно отношенія внутри феода, не просвѣченныя социальнымъ правопорядкомъ, носили характеръ «частно-правовой», въ отличіе отъ феодальной іерархіи, социально-правовой плюрализмъ, который строился по типу международно-правового общенія.

С. Гессенъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).